

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Р.В. Мамедов

Кафедра теории и истории государства и права
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена современным интерпретациям такого явления, как государственный суверенитет, в условиях глобализации и системного кризиса человеческой цивилизации, который выражается в трансформации территориального государства и угрозе суверенной государственности.

Ключевые слова: государственный суверенитет, суверен, государство, суверенная власть, культурно-исторические факторы.

Введение

В настоящей статье предпринята попытка обосновать, что рассмотрение государственного суверенитета с «узких» позиций, исключительно как неотъемлемой характеристики государства, выражающейся в его независимости по отношению к любым иным субъектам в осуществлении власти как на своей территории, так и в международных отношениях, представляется недостаточным.

Политико-правовые исследования понятия «суверенитет» (в частности, работы Я.И. Ваславского, М.В. Ильина, И.Д. Левина, Г.И. Мусихина) позволяют говорить о различных политических субъектах, которые могут быть охарактеризованы в качестве суверенных с точки зрения их властных полномочий как в контексте их внутреннего устройства, так и в международной среде. Властные полномочия таких субъектов составляют первичную структуру суверенитета как социального феномена. Только взаимное признание этими субъектами принадлежащих им властных полномочий, так же как и реальная их способность осуществлять эти полномочия, наполняют суверенитет необходимым содержанием. В таком контексте государственный суверенитет является не просто одним из признаков государства, он представляется в качестве политико-

правового принципа, принципа конституционного строя и системной характеристики сосуществования государств.

В современной литературе все отчетливее стали звучать мнения, согласно которым конструкция суверенитета представляется в виде трехзвенной модели [1. С. 20], *первым элементом* которой является суверен, то есть политико-правовая инстанция, формирующая правопорядок в пределах определенной территории (территориального образования) и осуществляющая властные полномочия как внутри этого территориального образования, так и вовне его во взаимоотношениях с иными суверенами; *вторым элементом* признается суверенность как совокупность качеств, позволяющих вышеупомянутой инстанции быть сувереном; наконец, *третьим элементом* становится суверенитет как политико-правовой принцип, обеспечивающий за счет наличия специфических институтов и процедур существование суверенов как таковых и их сосуществование друг с другом.

Суверенитет как общепризнанный политико-правовой принцип в условиях глобализации интерпретируется как системная характеристика глобальной политической организации. Общепризнанный (в масштабах мирового сообщества и международного права) характер данного принципа дает основания предположить, что он обладает качествами универсальности и, как системная характеристика глобального масштаба, объединяет всех существующих в современном мире суверенов и обеспечивает суверенность каждого из них.

I

Некоторые исторические аспекты развития понятия «суверен» и идеи суверенности как элементов конструкции государственного суверенитета

Исторические периоды появления трех элементов концепции государственного суверенитета не совпадают. Так, первыми во времени появляются суверены, которые представляют собой представителей династических центров в пределах определенных территориальных политий. Появление суверенов как первичного элемента концепции государственного суверенитета сопровождалось формированием территории, на которой они осуществляли свои властные полномочия. По мнению известного российского политолога М.В. Ильина, существуют три основных способа формирования территориальных состояний: а) династическое образование «сверху»; б) консоциативное образование «снизу»; в) корпоративно-сословное образование «сбоку» [1. С. 31]. В каждом конкретном государстве в тех или иных формах происходило соединение указанных типов формирования территориальных состояний. В большинстве государств тот или иной тип получал преимущественное развитие.

Так, например, в Швейцарии и Нидерландах возникали мелкие территориальные образования, которые пошли по пути федерализации, объединения с сохранением широкого объема прерогатив за составными частями территории го-

сударства, что привело к образованию государства «снизу». Во Франции отчетливо проявился моноцефальный принцип в организации политической власти на определенной территории, и территориальная организация власти приобрела унитарные черты, путем ее утверждения «сверху». В подавляющем большинстве германских политий возобладала полицефальная организация власти с утверждением сложной системы вассалитета-сюзеренитета. Таким образом, в рамках указанных трех типов территориальной организации власти формируются три понятия верховного территориального суверена, которым соответствуют три способа концептуализации власти и три системы прерогатив суверена.

В процессе политического развития мира появляются новые суверены в лице возникающих государств. Результатом усложнения структуры международных отношений становится появление идеи суверенности как качественной характеристики суверенов, принципа их взаимоотношений и основания их внутривнутриполитического господства. Идея суверенности послужила основой для различных форм объединения суверенов, консолидации властных отношений между ними в рамках образуемых ими групп (союзов), а также между их отдельными группами.

Окончательное оформление идея суверенности получила на Венском конгрессе 1814–1815 гг., послужившем началом формирования системы отношений между различными территориальными политиями [4. Р. 124–127]. Принципиально новыми качественными характеристиками такой системы стали усиливающиеся взаимные зависимости между различными суверенами, приоритет общесистемных требований над политической волей отдельных суверенов, а также над суверенными отношениями внутри и между отдельными группами суверенов.

Следующим этапом развития идеи суверенности стали события, имевшие место в XX в. в связи с образованием Лиги Наций в 1919 г., а впоследствии — ООН в 1945 г., обнаружившие наличие качеств суверенности не только у государств, но и у народа, нации и т.д. Это означает, что различные суверены стали претендовать на признание за ними суверенности и в этом контексте конкурировать с государственным суверенитетом верховного территориального суверена в пределах тех или иных территориальных политических образований и в международных отношениях. Тем самым развитие идеи суверенности породило парадокс — суверены оказываются способными сами себя легитимировать.

Этот парадокс, в совокупности со значительным увеличением количества суверенов, различиями в их природе, а также в трактовке их суверенностей приводит к формированию концепции государственного суверенитета, обобщенной и глобальной по своему значению, поскольку без нее сосуществование всего этого многообразия суверенов представляется проблематичным.

II

Государственный суверенитет как политико-правовой принцип и системная характеристика существования современных государств

В конце прошлого века профессор Принстонского университета (США) Стивен Краснер предложил свое видение структуры государственного суверенитета как политико-правовой категории системообразующего характера, выделив следующие ее элементы: а) суверенитет взаимозависимости, под которым понимается способность государств осуществлять контроль за состоянием своих границ; б) внутренний суверенитет, выражающийся в наличии у государственных структур определенных полномочий и в их способности эффективно влиять на поведение населения, в уровне фактического контроля власти над политической, экономической, социальной обстановкой внутри государства; в) так называемый «вестфальский суверенитет», предполагающий исключение внешних источников власти как *de jure*, так и *de facto*, что означает, что внутри своих границ государство имеет монополию на принятие решений, а в международных отношениях реализуется принцип невмешательства во внутренние дела других государств; г) международный юридический суверенитет, выражающийся во взаимном признании государств [3. Р. 54–58].

Датские исследователи в области политологии и права Х.-Х. Хольм и Г. Соренсен предложили рассматривать государственный суверенитет в трех аспектах: негативном, позитивном и операционном [2. Р. 196].

Негативный аспект государственного суверенитета в их интерпретации выражается в его юридической и формальной сторонах, предполагающих, что «государство пользуется формальным признанием со стороны других государств в рамках международного права и вместе с тем обладает определенной долей способности господствовать на своей территории... Негативный суверенитет является абсолютным условием; постоянной, но не переменной. Общество либо обладает им, либо не обладает» [2. Р. 196]. Негативным суверенитет в этом аспекте является в том смысле, что отсутствие вышеупомянутого формального признания государства со стороны иных государств означает отрицание самого факта наличия суверенитета у соответствующего политико-правового образования.

Позитивный государственный суверенитет характеризует способность государства полностью распоряжаться своей властью, будучи не только независимым от остальных субъектов, но и обладая возможностями снабжать своих граждан достаточными ресурсами для обеспечения их подчинения своей воле, по сути, речь идет о материальных и организационных возможностях государства обеспечивать свою власть над народом на своей территории.

Операционный суверенитет, по мнению авторов концепции, «следует определять исходя из контекста неравномерной глобализации, вынуждающей государства уступать часть своего права на свободу действий в обмен на участие в принятии решений другими государствами... другими словами, государства

идут на самоограничение... Они ограничивают свой операционный суверенитет посредством заключения международных договоров» [2. Р. 197].

Позитивный и операционный аспекты государственного суверенитета, по мнению вышеупомянутых авторов концепции, являются относительными переменными, эволюционирующими состояниями. Это означает, что конкретный объем позитивной и операционной составляющей государственного суверенитета государств неодинаков и вариативен [2. Р. 202]. Именно эти факторы влияют на современное состояние, степень независимости современных государств.

Значение концепции Х.-Х. Холма и Г. Соренсена заключается в том, что, во-первых, она доказывает ошибочность рассмотрения государственного суверенитета как основы для обособления внутривнутриполитической и международной сферы деятельности государства, во-вторых, она обнаруживает несостоятельность утверждений о том, что суверенные государства равноправны в сфере международных отношений, поскольку формальное равенство государств отражается только в негативном аспекте государственного суверенитета, позитивный и операционный его аспекты создают вариативность их статусов в международных отношениях.

Эти выводы подтверждаются в современных политологических исследованиях.

Так, в концепции российского политолога В.Л. Цымбурского выявляются структурно-функциональные связи между суверенностью как качеством и суверенитетом как политико-правовым принципом. По мнению автора, государственный суверенитет реализуется в четырех аспектах: 1) как внутренний суверенитет факта господства – здесь проявляется суверенность властителя, его право устанавливать определенный правопорядок; 2) как внутренний суверенитет признания – в этом аспекте суверенитета проявляется суверенность народа и такое качество суверенной власти, как ее легитимность; 3) как внешний суверенитет факта господства – в этом ключе проявляется суверенность государства, что составляет основу его международной правосубъектности; 4) как внешний суверенитет признания – здесь проявляется суверенность нации [5. С. 19–20].

Таким образом, государство как суверен сталкивается с необходимостью институционального закрепления по крайней мере четырех вышеобозначенных типов своей суверенности. При этом деление суверенитета на «внешний» и «внутренний» в данной концепции не означает противопоставления или обособления внутривнутриполитической и международной сферы деятельности государства, оно представляет собой лишь «расчленение выраженной этим концептом динамической связи между фактом власти и его признанием» [5. С. 20]. Кроме того, такая конструкция требует иного подхода к вопросу о функциях государства – представляется непродуктивным делить их на внутренние и внешние, противопоставляя их друг другу.

Вышеописанные интерпретации государственного суверенитета представляются автору обоснованными и позволяют сформулировать следующие выводы.

Рассмотрение государственного суверенитета только как признака государства, по мнению автора, представляется недостаточным. Его следует трактовать как политико-правовой принцип и элемент системной характеристики государства.

В современных условиях существует система суверенитета, состав которой образуют существующие суверены, а структуру — их суверенности. Автор полагает, что с позиций глобализации эта система внутренне противоречива — с точки зрения природы и набора элементов структуры государственного суверенитета она однородна, с позиций происхождения, истории развития, динамики соотношения элементов структуры государственного суверенитета — нет.

В целом представленная автором в настоящей статье концепция состоит из трех основных элементов — суверена, суверенности как его качества и суверенитета как конституционного принципа, обеспечивающего сосуществование государств. Исторически первым появляется понятие суверена, которое сразу оказывается в тесной связи с территориальным фактором. Затем развивается идея суверенности как качественной характеристики суверенов. Развитие концепции суверенитета приводит к тому, что иные образования помимо государства претендуют на признание за ними качества суверенности, а затем претендуют на конкуренцию с государством. Итогом становится формирование такой концепции государственного суверенитета, которая бы определяла место этих образований в их соотношении с государством.

Главным аспектом государственного суверенитета, по мнению автора, является его негативный аспект, то есть формальное признание соответствующего государства со стороны других государств. Отсутствие такого признака означает отсутствие государственного суверенитета как такового. Примеры Косово и Абхазии наглядно подтверждает этот вывод, поскольку именно признание их со стороны государств (в случае с Абхазией — всего лишь нескольких) означает наличие у них суверенитета.

Различие в суверенитетах государств проявляется в их позитивных и операционных аспектах, то есть в фактических материальных и организационных возможностях государства обеспечивать свою власть, а также в объеме прерогатив государства, которые оно добровольно уступает в обмен на участие в принятии решений другими государствами.

Изложенная автором конструкция подтверждает ошибочность рассмотрения государственного суверенитета в качестве основы для обособления внутриполитической и международной сфер деятельности государства.

В условиях глобализации в существенной мере меняется состав и качественные характеристики позитивных и операционных аспектов суверенитета. Важнейшим аспектом таких изменений видится то, что операционный аспект суверенитета эволюционирует за счет объединения суверенов по некоторым признакам, на первый план среди которых выходят признаки культурно-цивилизационного характера. В этом видится важнейшее направление эволюции государственного суверенитета — если до начала XXI в. основа

сосуществования государств была так или иначе связана с национально-территориальными факторами, то в настоящее время актуализируются культурно-цивилизационные предпосылки политико-правовой организации суверенов и их взаимоотношений в мире.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик: Монография / Под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. — М.: МГИМО-Университет, 2008.
- [2] Цымбурский В.Л. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // Полис. — М., 1993. — № 1.
- [3] Holm H.-H., Sorensen G. Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War. — Boulder: Westview Press, 1995.
- [4] Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.
- [5] Zieseniss Ch.O. Le congres de Vienne et l'Europe des princes. — P., 1984.

STATE SOVEREIGNTY: POLITICAL AND LEGAL INTERPRETATIONS

R.V. Mamedov

The Department of Legal Theory and History
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the modern concepts of state sovereignty in the context of globalization and system crisis of human civilization which shows itself in the transformation of territorial concept of state as well as in the menaces to the state itself.

Key words: state sovereignty, sovereign, sovereign authorities, conditions of cultural and historic nation.